

З. А. Битарти

Юго-Осетинский НИИ им. З. Н. Ванеева
Цхинвал, Республика Южная Осетия

ЛЕКСИКА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*В. А. Ефимов был настоящим
русским интеллигентом, добрым ко всем и всему*

Аннотация: В статье приводится лексика родства и свойства в патриархальной семье по материалам иронского и дигорского диалектов осетинского языка Северной и Южной Осетии. Дано описание специфической терминологии обозначения членов семьи в гендерном и возрастном аспекте. В дополнение представлена терминология, связанная с проведением обрядов свадебного цикла и сложением новых терминов свойства.

Отражены устойчивые словосочетания, связанные с историческими формами брака и терминами родства, табуированной лексикой, эвфемистическими обозначениями при обращении членов семьи друг к другу.

Ключевые слова: Северная Осетия, Южная Осетия, терминология свойства, семья, свадьба, хозяйка, невестка, ятровь, зять, осетинский язык, иронский диалект, дигорский диалект

Z. A. Bitarty

VOCABULARY OF KINSHIP RELATIONS IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Abstract: The article presents kinship vocabulary used in large patriarchal families, based on the data of the Iron and Digor dialects of the Ossetian language of North and South Ossetia. It describes the specific terminology used within the family from both gender and age perspectives. In addition, we present the terminology that is associated with the wedding rites and contact between the two families. We also show the phraseology related to historical forms of marriage and kinship terms, taboo words and indirect forms of address between family members.

Key words: North Ossetia, South Ossetia, kinship terms, family, wedding, lady of the house, daughter-in-law, sister-in-law, son-in-law, Ossetian language, Iron dialect, Digoron dialect

Семья

Для понятия «семья» в осетинском языке и его диалектах употребляется термин *бинонтæ*¹. *Бинонтæ/бинон* (*бийнон*) букв. ‘принадлежащий к *бын*’ – хозяйству передающемуся по наследству. По своему фонетическому облику слово *бинонтæ* более позднее образование нежели *мыггаг* ‘род’, что вполне согласуется с историческими и этимологическими данными, по которым род древнее семьи или, перенося вопрос в плоскость языка – мышления, осознание рода древнее, чем осознание семьи, как отличной от рода и противостоящей ему единицы [Энгельс 1961, 58, 59]. Связь *бинонтæ* с *бын* указывает, что выделение семьи из рода было связано с началом возникновения института частной собственности [Абаев 1959, 261–268].

Слово *бинонтæ*, как грамматическая форма, в осетинском употребляется только во множественном числе, указывая, по-видимому, на то, что один человек не может составить семью. В то же время термин *бинонтæ* может означать «супруга»: осет. *мæ бинонтæ хæдзары не сты* ‘моей супруги нет дома’. В осетино-русско-немецком словаре В. Ф. Миллера слово *бинойнаг*, переводится как ‘домашний, член семьи, домочадец’ [Миллер 1927, 357], однако в осетинских письменных источниках в ед.ч. числе употребляется – *бинонтæ*. Употребление *бинойнаг* в ед.ч. можно объяснить моногамным браком (В случае многоженства каждая из жен имела свое особое обозначение). Ср. груз. *оჯახი (оჯახობა)* ‘семья, супруга’.

Термин *бинонтæ* широко распространен в разговорной речи и используется во многих поговорках и устойчивых выражениях: *фыдæххæл бинонтæй алчидæр йæхи раст кæны* ‘в семье, где идет вражда, каждый ее член оправдание находит только для себя одного’, *фыдæххæл бинонтæй уазæг йæхи хизы* ‘гость остерегается семьи, где идет вражда’, *фыдæххæл бинонтæн сæ бæркад сæфт у* ‘у семьи, что враждует, избылие потеряно’, *фыдæххæл бинонтæн сæ куыст фæстейæ зайы* ‘у семьи, где идет вражда, работа отстает’, *фыдæххæл бинонтæ знаджы фæндиаг сты* ‘у семьи, где идет вражда, один конец – гибель’, *æнгом бинонтæ цард арыны*, ‘сплоченная семья хорошо живет (букв. ‘находит жизнь’), *бинонты æнгомдзинад се* ‘фсиныл баст у ‘сплоченность семьи зависит от хозяйки’.

В Осетии существовали две формы семьи:

1. *Стыр бинонтæ* ‘большая семья’, *бирæ бинонтæ* ‘многочисленная семья’;
2. *Чысыл бинонтæ*, *цъус бинонтæ* ‘малая семья’ (букв. ‘малочисленная семья’).

¹ К терминологии обозначения родственных и семейных отношений см. также работы: Абаева Ф. О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. 251 с.; Эдельман Д. И., Молчанова Е. К. Об истории терминов родства и свойства в иранских языках и диалектах // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО», 2019. Вып. 17: 114–142. (прим. ред.)

В “*большой семье*” первостепенная роль отводилась членам семьи мужского пола. Мужчина именовался *хосдзау* ‘косарь’, и чем больше было косарей в семье, тем она была мощнее, и почетнее. Главой семьи считался самый старший мужчина, который назывался *хæдзары хицау* ‘хозяин дома’, при этом второй компонент данного сочетания *хицау* употребляется и самостоятельно. *Хицау* (как и *хецон*) восходит к *хаиуа, эта производная форма на *-ау* (из *ава) должна обозначать ‘хозяин’ (в смысле «владелец») [Бенвенист 1965, 133]. В некоторых местностях Осетии хозяин дома носит название *хистæр лæг* ‘старший мужчина’, хотя параллельно употребляется и термин *хæдзары хицау*. Наряду с этим имеется и термин *бынаты хицау* букв. ‘хозяин места, домовый’. Это *сказочный покровитель* домашнего очага; с ним связаны различные обряды, например, при переходе в новый дом, в честь него устраивали небольшое застолье, называемое *бынаты хицауы куывд* ‘пир в честь домового’.

Хæдзары хицау, хотя и являлся единоличным руководителем всего дома, однако он не решал ни одного важного дела без *бинонты уынаффæ* ‘семейного совета’. Первым его помощником считался *хистæр фырт* ‘старший сын’, к которому переходило старшинство после *хæдзары хицау* ‘хозяина дома’. При разделе имущества старшему сыну отводилась особая доля, называемая *хистæры хай* ‘доля старшего’: *хистæры хай уæрцмæ нæ хауы* ‘доля старшего не подлежит разделу’. Особо выделяется также *кæстæр фырт* ‘младший сын’. При разделе имущества ему отводили *кæстæры хай* ‘доля младшего’.

Термины, обозначающие участников обряда брачно-свадебного цикла

В осетинском языке имеются термины и устойчивые выражения для особых форм заключения брака:

- а) *гуыбынмæ фидауын* ‘внутриутробный брак’
- б) *авдæнмæ фидауын* ‘люлечный брак’
- в) *чызг скъæфын* ‘похищение девушки’
- г) брак отработкой, *мидæгмой* ‘примак’; зять, живущий в доме жены

Так, первое и второе словосочетания *гуыбынмæ фидауын* и *авдæнмæ фидауын* отражают по сути одну и ту же форму брака. Причиной, побуждавшей родителей к обручению малолетних детей, можно считать стремление сторон укрепить уже существующие между семьями добрые отношения, закрепив их при посредстве родства.

Обычай похищения девушек вызывал в основном неодобрение, хотя такой вид бракосочетания имел место на протяжении веков и был продиктован в основном экономическими условиями. Похищение проходило довольно болезненно

для обеих сторон. При этом родственники похищенной девушки (*скъæфт чызг*) говорили: *фегад нæ кодтой* ‘опозорили нас’, *нæ сæр нын ралыг кодтой* ‘снесли нам голову’.

В условиях господства патриархальных отношений выбор невесты обычно зависел от воли родителей. Обычно невесту подыскивала сторона жениха, и если родителям девушка нравилась, об этом извещали ее родных (этот обычай известен под названием *чызгамонын*), затем посылали сватов просить ее руки. Жених редко выбирал невесту самостоятельно.

Для обозначения свата в осетинском существует два термина: *хатæг* ‘просящий’ (мн. ч. *хатджытæг*) и *минæвар* ‘представитель, посланник’ (мн. ч. *минæвæрттæг*). Эти термины применяются не только при заключении брачных отношений, но и при урегулировании спорных вопросов, примирении кровников и т. д. Более конкретно понятие «сват» передается и сложным словом *усгуртæг*, которое употребляется в указанном значении только во множественном числе; в единственном – *усгур* ‘жених’.

Если визит сватов в дом девушки имел положительный исход, то в знак предварительного согласия жених и его родные оставляли девушке подарок, называемый *нысан* или *мысан* ‘знак, метка’. Данное слово имеет иранское происхождение, но вошло в осетинский язык через тюркское посредство. Слово распространено и в некоторых кавказских языках: груз. *nisani*, арм. *nšan*. Во многих ущельях Осетии вместо *нысан* употребляют тюркское *бе*, от *белге*. В грузинском языке это слово встречается в двух вариантах *белга* и *бе* [Народы Кавказа 1962, 527], последний вариант заимствован осетинами.

Передача подарка носит название *нысангарз уадзын* ‘оставлять знак’, *нысангарз дæттын* ‘подавать знак’. С этого момента девушка считалась *чындыг*, *усаг* ‘невестой’, и никто больше не имел права просить ее руки.

Как отмечают Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, и.-е. корень **t'oH-* ‘братъ’ ~ ‘давать’ включал в том числе значение ‘братъ/давать жену’, что отразилось в отдельных диалектах и.-е. праязыка, чем объясняется отсутствие терминологии собственно бракосочетания вне связи с терминами обмена. Наличие при этом и.-е. основы **H₂ed[h]* ‘вести, уводить невесту (силой)’, – не совпадающей с терминологией обмена, может указывать на первоначальное значение «насильственного бракосочетания», однако, впоследствии данный термин становится общим для женитьбы вообще. Такой семантический переход значения с «насильственного брака» путем «увода» на «бракосочетание (по обмену)» имеется в языке Авесты, где оба значения представлены в одном глаголе *vādaua*, но с разными превербами: ср. *ура-vādaua-* ‘отдать женщину в жены’ при *us-vādaua-* ‘похищать, умыкать женщину’ [Гамкрелидзе, Иванов II, 756-758]. Важным условием для заключения брака в Осетии считался *ирæд/æруæд* ‘калым’, данная осетинская лексема сближается

с др.-инд. *vrata-*, ав. *urvata-* ‘(религиозное) установление, обычай’, *urvati* ‘договор’ [Абаев 1958, 546]. По мнению В. И. Абаева и М. К. Андроникашвили *урæд* в ретроспективе этимологически связано с грузинским *urvati*, чечено-ингушским *urdu* ‘калым’. Но направление заимствования термина неизвестно. Для решения этого вопроса имеют значение следующие соображения:

1) купля невесты у индоевропейских народов известна с глубокой древности, и нет оснований думать, что предки осетин познакомились с этим обычаем уже на Кавказе;

2) грузинское *urvati* и чеченское *urdu* не имеют соответствий в других кавказских языках, и не могут быть объяснены в системе кавказских языков;

3) по имеющимся материалам, термин *urvati*, распространен в трех грузинских диалектах, которые географически соседствуют с осетинскими областями. Все это дает основание думать, что грузинское и чеченское слова связаны с осетинским термином [Абаев 1958, 546].

С данным понятием связан целый комплекс обрядов. Для получения калыма в дом жениха в особый день от родителей девушки приходят специальные представители *урæдисджытæ* ‘забирающие калым’. Помимо калыма жених обязан преподнести подарки определенным членам семьи невесты: *мады бæх* ‘конь матери’, *мады рвады бæх* ‘конь дяди’ (по матери), *фаты бæх* ‘конь стрелы’. Последний термин известный этнограф Дж. Шанаев объяснял так: *фаты бæх* передавался отцу невесты в знак благополучного исхода предприятия, обозначая, что дела идут прямо, хорошо, как стрела: *нæ хъуыддаг фæрæстмæ фатау* [Шанаев 1870, 13]. Другое объяснение встречается у осетинского писателя и поэта Секъа: *Раздæр-цу чындзæсджытæй чындзы фыды хæдзары уæлкъæсæр фат чи ныссагъта, уымæн-цу яæвæрд уыд фаты бæх* ‘кто из сопровождающих жениха молодых людей, бывало, вонзит раньше других стрелу над порогом дома невесты, тому дарили коня, стрелы’ (Секъа, Садуллæ æмæ Манидзæ).

В дигорском диалекте в этой связи встречаются еще термины *æнгари бæх* ‘конь друга’ и *колдуари бæх* ‘конь ворот’: *æртæ бæхæмæй сæ цуудзæнæй колдуари бæх, æртиккаг ба уæ фидæ æнгар уарзон адтæй æмæуомæн æнгари бæх* ‘из трех коней (переданных в дар родителям невесты) один является конем ворот, а третий передается кому-то из близких друзей отца – он и называется ‘конь товарища (друга)’ [ИАС 1, 508]. Словосочетание *æнгари бæх* свидетельствует, что его дарили другу отца. *Колдуари бæх* дарили, вероятно, как пожелание благополучия всему дому, всей семье, поскольку *колдуар* (иронск. *кулдуар*) означает ‘ворота’. К данному комплексу понятий примыкает и словосочетание *енцеджы бæх* ‘конь воспитателя’ [Магомедов 1968, 328].

После получения калыма, родители девушки назначали *фидауыны бон* ‘день официального сговора’. В этот день семья жениха направляла в дом девушки своих представителей и совместно назначался день свадьбы. Этот период до

времени свадьбы в жизни девушки называется *куырдуаты бадын* ‘сидеть засватанной’, а сама девушка получает статус – *куырдуаты бадæг чызг*. Первая часть словосочетания *куырдуат* состоит из двух компонентов: *куырд* ‘засватанная’ – причастие прошедшего времени от глагола *курын* ‘сватать’ и *уат*, которое имеет в осетинском языке несколько значений, в указанном композите *уат* означает ‘комната’, т. е. «комната засватанной». Дело в том, что, когда девушка становилась невестой, состоятельные родители выделяли специально для нее отдельную комнату, где она постепенно собирала свое приданое. Таким образом, *куырдуаты бадын* буквально означает ‘сидеть засватанной’ или ‘сиденье в месте засватанья’.

Период *куырдуаты бадын* для обеих сторон проходит во взаимных визитах. Родственники жениха наносят визит родителям невесты и знакомятся со своей будущей невесткой. Это посещение носит название *чызгуынæг цæуын* ‘смотрины’ (букв. ‘идти знакомиться с девушкой’). В свою очередь родители невесты отправляют своих людей в дом жениха, чтобы узнать каково состояние его хозяйства: *хæдзаруынæг цæуын* (букв. ‘идти смотреть дом, хозяйство’).

Во время свадьбы жениха сопровождают официальные лица *уазджытæ* ‘гости’ (ед.ч. *уазæг* ‘гость’). Хотя *дружки* жениха и просто гости по-осетински обозначаются одним и тем же термином *уазæг*, его значение несколько различается, что связано с контекстом. Просто гостем *уазæг* может быть любой, как женщина, так и мужчина, такой гость не имеет специального статуса, ср. *хуыцау уазæг* ‘гость – божий гость’.

Жених обычно выбирает себе сопровождающих задолго до свадьбы. Поскольку свадебные обряды были связаны с выполнением особых поручений, избранные на эту роль люди соглашались не сразу и нередко их приходилось долго упрашивать. Процесс поиска сопровождающих выражается словосочетанием *уазджыты агурын* ‘искать гостей’. Количество таких официальных лиц колеблется. В Южной Осетии выбирали обычно трех человек: *хистæр уазæг* ‘старший гость’; *къухылхæцæг* ‘шафер’, его же называли *нымæттухæг*. Некоторые авторы считают, что *къухылхæцæг* и *нымæттухæг* – это разные лица [Ванеев 1955, 74]. Причем *нымæттухæг* в Северной Осетии носит название *æмдзуар джын* /*æм-дзуаргин* [Магомедов 1968, 354], а *кæстæр уазæг* ‘младший гость’, известен еще и как *хъæмпхор уазæг*.

Несмотря на различия в деталях свадебных обрядов различных районов Осетии, в существенной части все эти обряды сходны и отражаются в тех же лексических единицах.

Къухылхæцæг – шафер, буквально означает ‘держачий за руку’², что ярко отражает один из эпизодов осетинской свадьбы. По прибытии в дом жениха,

² Ср. груз. (мохевский диалект) ‘рука’, ‘держачий’, *xelismomkide* < *xeli* ‘рука’ + *tomkide* ‘держачий’.

шафер торжественно вводит невесту в *хæдзар*, держа ее за руку, и три раза обводит ее вокруг очага. В результате лицо, сопровождающее жениха во время свадьбы, стали обозначать термином, связанным с этой его ролью.

В дигорском диалекте параллельно с *къухылхæцæг* весьма активно употребляется заимствованное из грузинского языка слово *махъари* ‘первый шафер’ [Старчевский 1891, 208]³. На осетинской языковой почве указанное слово претерпело ряд семантических изменений и в своем прямом значении – «шафер» зафиксировано только в дигорском диалекте. С точки зрения языка интересны географические границы этого заимствования, оно встречается в дигорском диалекте, а также в ксанском наречии иронского диалекта. Причем, в последнем *махъари* означает лицо, сопровождающее невесту со стороны ее близких родственников в дом жениха, выступая как синоним осетинского *чыдзæмбал*, *чындзæмбал*.

Хистæр уазæг ‘старший гость’. На свадьбе предпочтение всегда отдавалось «старшему гостю». К нему обращались за советами, требовалось его разрешение на возвращение в дом жениха.

Кæстæр уазæг ‘младший гость’⁴. Его называют также *хъæмпхор уазæг* и *къæмхор уазæг*. В настоящее время у осетин уже нет ясного представления о функциях и задачах этого официального лица. Этот «младший гость», по-видимому, просто сопровождал гостей и обслуживал их.

Интересны по своей конструкции, а также по содержанию, два других названия: *къæмхор уазæг* и *хъæмпхор уазæг*. Слово *къæм* в осетинском языке означает ‘волосок’⁵, а *хъæмп* ‘солома, сено’. Что могут означать в таком применении эти термины: «соломо-едящий» и «младший гость»? По сообщению Хуыгаты Нафи, 100-летнего жителя села Зассетыкъау Джавского района, жених по договору был обязан пригнать в дом невесты несколько голов крупного и мелкого рогатого скота, а также обеспечить определенное количество араки и съестных припасов (*чындзхæсджытæн*). Все это должно было быть доставлено в дом невесты в канун свадьбы. Если же невеста жила далеко, то, в зависимости от расстояния, снаряжали в путь нескольких человек. Их снабжали на дорогу и кормом для скота (*хъæмп*). Эту группу возглавлял младший гость, который получил название *хъæмпхор уазæг* ‘гость едящий солому’, т.е. возглавляющий доставку скота. Близкую семантическую параллель этому обычаю находим в грузинском *эджиби*, в обязанности этого лица входила передача продуктов, заготовленных семьей жениха для пир-

³ Старчевский переводит термин *махъари* как ‘почетные гости’ [А. В. Старчевский 1891].

⁴ Прилагательное *кæстæр* ‘младший’ имеет и семантику – *хорз алы ран дæр – кæстæр* ‘хороший всюду младший’ (т.е. ‘младший всегда услужливый’). (*Æмбисонд* – поговорка)

⁵ Осетинское *къæм* означает еще: ‘соринка’ – *мæ цæсты къæм бахауд* – ‘в глаз попала соринка’.

шества, устраиваемого при *большом* обручении, лицу, выступающему от семьи невесты. В некоторых местностях Грузии *эджиби* назывался *мегодре* ‘корзинщик, хозяин корзины’ [Народы Кавказа 1962, 309].

При рассмотрении терминов *хистæр уазæг*, *кæстæр уазæг*, *хъæмпхор уазæг*, *къæмхор уазæг*, *къухылхæцæг* обращает на себя внимание то обстоятельство, что слово *уазæг* ‘гость’ не употребляется с композитом *къухылхæцæг*, обозначающим шафера. Мы уже говорили, что возникновение слова *къухылхæцæг* связано с определенным свадебным обрядом. Известно, что каждый из официальных гостей имел свои функции, хотя они и все считались почетными гостями в доме невесты. Однако особым положением и своей ролью в дальнейшей судьбе выдаваемой замуж девушки выделялся *къухылахæцæг*, который по традиции становился названным братом невесты: *къухылхæцæг Бега йæ хойы къухыл ныххæцыди, хæдзармæ йæ фæкæны* ‘шафер Бега, взяв руку своей сестры, вводит ее в дом...’ (Нафи, Фыдаелты туг). Отношения их становились родственными и были настолько прочны, что передавались даже следующим поколениям. Аналогичную картину мы находим у армян, у которых во время свадьбы роль посаженного отца была настолько велика, что связь эта была, не менее крепка, чем кровное родство [Народы Кавказа 1962, 310]. Учитывая все эти обстоятельства, осетины шафера считали практически членом семьи, ближайшим и дорогим родственником. Именно поэтому к его официальному обозначению *къухылхæцæг* не прибавляли слово *уазæг*, хотя он и состоял в почетном трио во время свадебного обряда.

Нымæттухæг, дзауматухæг, бинагтухæг, æмзуарджын, меджваре

В селениях некоторых ущелий функции композитов *нымæттухæг* и *къухылхæцæг*, выражающих одно и то же понятие, совпадают. Специальный человек – *нымæттухæг*, расстилал войлочный ковер (*нымæт*)⁶, куда присутствующие бросали свои свадебные подарки. Затем все это аккуратно *укладывалось* и войлок сворачивали. Таким образом, понятие *нымæт* ‘войлок’, в данном случае, приобретает и дополнительный семантический оттенок, обозначая уже не просто войлок, но и ‘приданое невесты’. В некоторых ущельях Осетии наряду с композитом *нымæттухæг* употребляются словосочетания *дзауматухæг* или *бинагтухæг*. Последние нам представляются более поздними образованиями, поскольку с изменением хозяйственно-экономических условий многие предметы домашнего обихода, например такие как кошма, вышли из употребления и их особое предназначение забылось. В настоящее время *нымæт* встречается очень редко, и, естественно потерял свое былое значение, как предмет, в котором хранилось приданое невесты. Так, например, в Ксанском ущелье вместо войлочного ковра для хранения, приданного стали пользоваться огромным мешком, называемом *гобан* ‘матрац’. А в Алагирском и Кобанском ущельях приданое стали укладывать

⁶ В осетинском языке *нымæт* имеет два значения: а) ‘бурка’, б) ‘войлок’.

в огромный сундук (*чындздзон чырын* ‘невесты сундук’). Такой сундук в Куртатинском ущелье носит название *жргъæу чырын* ‘перламутровый сундук’.

Термин *æмдзуарджын/æмдзуаргин* ‘участник свадебной процессии, шафер, крестный’ (букв. ‘со-крестник’) распространен практически по всей Осетии, однако степень частотности его употребления не везде одинакова, наиболее высокая в иронском диалекте и в Ксанском ущелье. Основной компонент термина *æмдзуарджын* – *дзуар* заимствован из грузинского *ჭვარი* ‘крест’ и относится к христианской терминологии. Обряд является составной частью грузинского свадебного обычая, не получившего широкого распространения в Осетии: сооружали деревянный крест и вешали на нем разнообразные гостинцы, фрукты, сладости. Затем крест вручали *æмдзуарджын*, который шел впереди свадебной процессии, неся его перед собой.

Наряду с этим, ксанские осетины унизывали длинную ветвь с необрубленными ветками кусками мяса, гостинцами и т.д. Эту ветвь опускали с потолка прямо в очаг и вокруг него обводили невесту, так поздравляли молодых с началом новой жизни. Подобный ритуальный предмет носит название *фарны хъил* ‘шест благополучия и счастья’. Он символизирует счастливое вступление невесты в дом жениха.

И, наконец, в свиту сопровождающих жениха и невесту на свадьбе входит *цырагъдзау, цырагъдарæг* ‘факелоносец’. В его обязанности входит освещать путь новобрачным в дом жениха.

Ни один из разобранных композитов и устойчивых словосочетаний в имеющихся словарях осетинского языка не зафиксирован: *нымæттухæг* (встречается в произведениях художественной и научной литературы); *кæстæр уазæг, хистæр уазæг* (встречаются в этнографической литературе), *хъæмпхор уазæг, къæмхор уазæг, дзауматухæг* и *фарны хъил*. Несмотря на это они активно употребляются в живой речи и входят в основной словарный фонд осетинского языка.

Родственные отношения

Говоря о родственных отношениях у осетин, нельзя пройти мимо широко распространенного культурного термина *хæстæг* ‘родственник’. Помимо термина *хæстæг* для обозначения общего понятия родства, в осетинском языке существуют еще: *хицон* ‘родственник’, *хион* ‘свой’, *баххæссын* ‘достать, доводиться’, *бавæййын (бавæййаг)* ‘доводиться’. Нередко все группы родства выражаются одним собирательным термином *хæстæгдзинад* букв. ‘родство’. Это слово без суффикса *дзинад* составляет самостоятельную словарную единицу *хæстæг* ‘родственник’.

Слово *хæстæг* полисемично. В осетинском языке оно имеет три значения: 1. ‘близкий’, 2. ‘сходный’, 3. ‘родственник’. Последнее в осетинском языке

является термином родства. Но обозначает ли данный термин всякое родство, и можно ли называть словом *хæстæг* всех родственников? Семантическое развитие слова подтверждает это. Однако первоначально этим термином обозначали отношения, связанные с искусственным родством и родством по свойству: *фырт... хорз бынат куы ссары, уæд йæ фыдыбæстæм никуы уал æрыздæхы, йе рвадæлтæ æмæ йæ хæстæджыты æмгæрон ницæй тыххæй æрцæудзæн* ‘когда сын... устраивается очень удачно, то больше не возвращается в родные края и совершенно забывает своих родичей и родственников’ (букв. «близких»)(«Æфсир» 11, 9); *Ничи йын уыд, нæ дæр бинонтæ, нæ дæр хæстæг, нæ дæр æрвад* ‘он был совершенно одиноким, не было у него ни семьи, ни родственников (букв. «близких»), ни родичей’ (Гæбулты М. «Дыккаг фембзелд»).

Из примеров видно, что родство в Осетии подразделяется на две группы, обозначающихся терминами: 1) *æрвадæлтæ* и 2) *хæстæг, хæстæджытæ*. Термином *хæстæг* именовали родственников по свойству, по искусственному родству, ибо они входили в разряд «близких»: *æнæкæрон рæвдыд дæн æз, мæ хæстæджытæ сымахæй... дзырдта Дуда* ‘бесконечно доволен вашей заботой обо мне, мои родственники (букв. «близкие») – говорил Дуда’ (С. Уари, Бæтæйы фырттæ). Эти благодарности Дуда произносил, будучи в гостях у родных своего зятя, т. е. у родственников по свойству. *Теджиайыл Гуырдызыхан фæцин кодта, куыд сæ хæстæг, сæ хъан* ‘Гуырдызыхан очень обрадовалась Теджиа, как родственнику, как хъан’ (Секъа, Гæдиаты Куыцырийы фырт Секъа, Саударæг ус). В данном примере в роли *хæстæг* уже выступает родственник по искусственному родству, *хъан*⁷. О том, что раньше *хæстæг* не подразумевал всех родственников вообще, свидетельствует и сложный глагол *хæстæг кæнын* ‘родниться’: *Дыгур æмæ Ир цу бæстыл цæрыны, арæх æмбæлдысты, хæстæг кодтой, кæддæриддæр кæрæдзи ныхас æмбæрстой* ‘Дигорцы и иронцы живут на одной земле, часто встречались друг с другом, делали взаимные посещения, роднились и понимали друг друга’ («Хурзæрин» 1927, 27). Таким образом, слово *хæстæг* отражает родственные отношения между представителями одной фамилии, одного рода с одной стороны, и представителями другой фамилии, другого рода с другой стороны, созданными на основе аталычества и брачных связей.

Слово *æрвад* (мн. ч. *æрвадæлтæ*) ‘брат, (со)родич’ не изменилось со временем и сохраняет свое узкое значение, при этом значение *хæстæг* (*хæстæджытæ*) расширяется. Оно уже обозначает родственников не только одной определенной группы, но и становится общим термином для обозначения родственных связей вообще – *хæстæгдзинад*. Высокая частотность употребления этого слова объяс-

⁷ Осетинское *хъан* ‘воспитанник’ (мальчик, отданный на воспитание в чужую семью).

няется его широким значением. «Близким» можно было назвать и *æрвæд* и *хæстæг*, но термином *æрвæд* назывались только кровные родственники. Можно полагать, что язык отражает процесс конкретизации термина, и чтобы в рамках общего термина *хæстæг* разграничить кровное родство от некровного появился дополнительный композит *тугхæстæг* ‘кровный родственник’, первый компонент которого *туг* ‘кровь’ уточняет понятие.

Для обозначения степени родства в осетинском мы имеем описательные термины: *дард хæстæг* ‘дальний родственник’ и *æввахс хæстæг* или *хæрз хæстæг* ‘близкий родственник’. *Дард хæстæг* иногда заменяется в речи лексемой *дæрддаг* ‘дальний’, а для близкого родственника в живой разговорной речи употребляется форма *хæстæг*. Носители языка полагают обычно, что только вариант *хæстæг* имеет значение «родственник». Письменными источниками это не подтверждается.

В осетинском родственников по *свойству* называют также термином *мымæн(тæ)*: *Уалытæ сæхи цæттæ кодтой сæ мымæнты фæдзырдмæ æмæ сæ хорз суазæг кодтой* ‘Валиевы готовились к визиту своих родственников (по браку) и приняли их весьма радушно’ (Д. Бязырты, Ирон таурæгътæ). Данный термин в таком значении может совпадать со словом *хæстæг*, выступая как синоним и более конкретно указывая на определенную форму родственных связей.

Лымæн/лимæн – означает ‘друг, приятель, любовник, любовница’ [Абаев 1973, 54].

Термин *хион* образован от притяжательного местоимения *хи* ‘свой’, путем присоединения к нему суффикса *-он*. По семантике *хион* противопоставляется *æцæгæлон* ‘чужой’. И хотя отчасти отражает родственные отношения, однако не полностью идентичен слову *хæстæг*, поскольку так называть можно не только родственника, но и близкого человека.

Лексема *хион* встречается довольно редко. Ксанские осетины в речи употребляют вариант *хицон* ‘близкий, сопровождающий’. К этой группе терминов следует отнести и такие образования, как *бавæййаг*, *баххæссын*, *бавæййын*.

Термины, отражающие отношения свойства

При исследовании терминов родства по свойству мы столкнулись с интересным явлением: близкие родственники мужа имеют особые наименования, тогда как обозначения родственников жены для мужа строятся по принципу вторичных по отношению к терминам кровного родства, т.е. в словообразовательном плане являются производными последних: *усы фыд* ‘отец жены’, *усы мад* ‘мать жены’, *усы æфсымæр* ‘брат жены’, *усы хо* ‘сестра жены’. Это верно для всех номинаций, кроме термина *каис(тæ)*. *Каис* (в иронском встречается в варианте

кайыс) – общее название всех родственников жены. В отношении происхождения слова *каус* В. И. Абаев высказывает предположение, что лексема *kajys, kais* «тесть и члены его рода (в отношении зятя)», возможно, представляет собой эвфемизм и образована из *ка + ис* ‘кто-есть’, т. е. «некто» [Абаев 1958, 568]. С другой стороны, возможно, *каус* заимствовано из тюркских языков, ср. *каин* [Эмбалты 1972, 11, 97]. Следует также провести аналогию между осетинским термином и грузинским *kwisil*, сван. [kws] [Климов 1964, 198]. Если отбросить характерное для грузинского *i* во втором слоге, то слово обретает форму *kwisl*. Учитывая, что грузинское звонкое *w* соответствует в осетинском *у*, слово в осетинском обретает форму *куисл*, при этом для облегчения артикуляции *л* опускается. В итоге, такое развитие могло дать *каус*, что в осетинском значит ‘свояк’, или ‘гость’, родственник – однофамилец жены [Тедеева 1970, 39].

Сиахс – ‘зять, жених’, производное *сиахсаг* ‘жених’. В. И. Абаев возводит к *visi-axša ‘нашедший приют в доме’, ‘принятый в дом’. Ср., русск. *примак* – зять, принятый в дом тестя. Можно отметить, что до недавнего времени у осетин сохранялись пережитки матрилокального брака⁸. О сходных взглядах на семейную жизнь свидетельствуют также высказывания античных авторов о системе брака у североиранских племен, ближайших предков современных осетин. У термина *сиахс* имеется народная этимология, которая, впрочем, не лишена определенного интереса. По этой этимологии слово *сиахс* состоит из двух компонентов *сы-* ‘рог’ и *ахс* (от *ахсын*) ‘лови, хватай’, т. е. буквально *сиахс* означает «лови рог». Дело в том, что на больших пирах, приглашенных обслуживало много, преимущественно, юношей (*лæггадгæнджытæ, уырдыглæуджытæ*). Бывало, что после осушения рог не передавали в руки, а бросали прислуживающему. Если он смог поймать рог, то заслуживал одобрения. Одним из обслуживающих на таких пирах выступал *сиахс*. На пиру испытывали его ловкость: требовалось, чтобы ни один из подброшенных рогов не упал на землю. Бросая рог, обычно предупреждали криком: *сиахс!* ‘лови рог!’. Если принять во внимание образование таких слов-композигов, как *къухылхæцæг* – шафер (букв. ‘держачий за руку’), *нымæттухæг* – ‘заворачивающий войлок’, *лæггадгæнæг* – ‘прислуживающий’ (букв. ‘оказывающий почет человеку’), то приведенная народная этимология не лишена логической основы.

Подобно адыг., каб.-черк. *maqluliz* ‘зять’ [Кумахова 1972, 190], термин *сиахс* сохраняет отпечаток родовых отношений. Так, *сиахс* называется муж двоюродной или троюродной сестры, или шире, муж представительницы рода, носящего одну фамилию.

Аналогично термину *æмхæргæфырт* ‘соплемянник’ в осетинском языке при помощи приставки *æм-* ‘со, с’ от термина *сиахс* образуется новый термин родства

⁸ Так, первого ребенка женщина должна была родить в доме родителей. Обычай этот известен, как *хуындæджы бадын* [Абаев 1979, 102].

по свойству: *æмсиахс* ‘свояк’. Так называются мужья двух сестер (родных или двоюродных) по отношению друг к другу. Особая близость зятя к родителям жены выражается такими изречениями, как: *сиахс æмæ хъæбулæй уæлдай нæй* ‘нет разницы между родными детьми и зятем’; *сиахс дæр хъæбулу* ‘и зять родное дитя’. Такая близость берет свое начало в матрилокальных формах брака, когда зять переходил на жительство в дом родителей жены и считался равноправным членом ее семьи.

Замужняя женщина с момента прихода в дом супруга по отношению к его родным, роду, называется *чындз* ‘невестка’. Слово это восходит к иран. **kanti-* с основой *kan-* в значении ‘молодой’ [Абаев 1958, 607]. В дигорском диалекте для обозначения невестки пользуются другим термином: *ностæ*, который, вероятно, связан с кавказскими языками. Что же касается слово *кындзæ*, то его в дигорском находим для обозначения куклы (ср. второе значение иронского *чындз* ‘кукла’). Данный термин в осетинском языке употребляется активно и как словообразовательный элемент, он служит материалом для образования значительного количества композитов и устойчивых словосочетаний: *чындзæг* ‘девушка на выданье, невестка’, *чындзхон*, *чындзхæссæг* ‘дружка’, *чындзы митæ* ‘невестины дела’, *чындзæхсæв* ‘свадьба’, *ног чындз* ‘молодая невестка’, *кæстæр чындз* ‘младшая невестка’, *чындзы лæвар* ‘подарок невестки’, *чындзы фæлыст* ‘наряд невесты’.

Чындзхæссæг ‘несущий невесту’

Этим термином называли специально выбранного человека, который сопровождал жениха во время свадьбы. Обычно таких лиц было несколько, потому слово более активно употребляется в форме множественного числа *чындзхæсджытæ* ‘несущие невесту’. Почему именно *хæссын* ‘носить’, а не *кæнын* ‘водить’, например, *чындзкæнджытæ*? В осетинском языке широко известны выражения *хæссын* ‘жениться’ (букв. ‘нести жену’) и *ус æрхаста* ‘женился’ (букв. ‘принес жену’), изредка, в разговорной речи встречается вместо *хæссын* глагол *кæнын* ‘водить’, например, *ус æркæнын* ‘жениться’ (букв. ‘приводить жену’). В современном осетинском языке оба они выражают одно понятие «жениться», но первоначально их применяли в различных обстоятельствах. Так, *ус хæссын*, надо полагать, восходит к обычаю «умыкания женщин», который представлен в Авесте термином *us-vaða-* ‘похитить (женщину), увести силой’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984 1, 757]. Со временем *ус хæссын* теряет свое первоначальное значение «насильственного бракосочетания» и становится общим термином для женитьбы вообще.

Осетинская свадьба, как предмет этнографического исследования, описана многими учеными. Почти все пишут о том, что невесту в дом жениха везли на подводе. Однако в истории нет фактов, убеждающих в этом. Языковые материалы свидетельствуют о том, что раньше осетины невесту везли на лошади верхом,

ведь в недавнем прошлом осетины в основном жили в горах, где в силу бездорожья передвигались верхом на лошади или осле. Живя среди высоких скал в глубоких ущельях, люди могли передвигаться из аула в аул только по пешеходным тропам и верхом. Если учесть при этом, что невесту везли в дом жениха ночью, то ясно, что единственным транспортом во время свадебной процессии могла быть лошадь.

Отсюда и *хæссын* – *чындзæссæг*, *ус æрхæссын*. При этом А. Х. Магометов в своей фундаментальной работе «Культура и быт осетинского народа» композит *чындзæсджытæ* переводил буквально ‘везущие невест(к)у’ [Магометов 1968, 351], что не совсем верно. Параллельно – *ус æрхæссын* – употребляется и *ус æркæнын*. Как нам кажется, последнее словосочетание является более поздним, и сложилось, когда во многих местах Осетии стало возможным пользоваться во время свадебной церемонии подводой. В современном осетинском языке выражение *ус хæссын* уже не соответствует своему прямому значению и, видимо, язык ищет средства для передачи указанного процесса уже другими лексическими единицами.

В словосочетаниях *ус æрхæссын* и *ус æркæнын* преверб *-æр-* имеет отвлеченное значение поскольку он придает глаголу совершенный вид, не указывая на то, с какой стороны приведена жена.

Чындзæхсæв ‘свадьба’

Почти все этнографы дают одинаковое объяснение термина *чындзæхсæв* ‘невестина ночь’ [Шанаев 1870, 27]. *Чындзæхсæв* есть первый прием, первое знакомство невестки с семейством, первое приглашение ее к участию в домашних нуждах и заботах, знакомство с семьей.

Перед отправлением в дом жениха лицо невесты закрывали куском материи, который на литературном языке носит название – *хыз(æг)* ‘сетка’. Он имеет и местные названия: *цæсгом æмбæрзæн* (Кударское ущелье), и *æмбæрзæн* (Алагирское ущелье) ‘покрывало (для лица)’. Эти местные названия лучше и ярче определяют назначение данного куска материи, непосредственно указывая на сам обряд, тогда как *хыз* означает просто ‘сетка’ и семантика слова, связанная со свадебным обрядом, восстанавливается только из контекста. Обычай закрывания лица невесты перед отправлением в дом жениха был связан с религиозными предрассудками осетин в прошлом. Как известно, на свадьбе, особенно в доме жениха, самый большой интерес вызывает невеста. Все хотят видеть ее, и чтобы оградить молодую от «дурного глаза» – *цæсты кæнын*, закрывали ее лицо. Взглянуть на нее имели право только престарелые женщины, которые подходя чуть приоткрывали сетку и произносили: *цæстæй дын хай ма уæд* ‘да охранит тебя от дурного глаза’. Во многих ущельях Осетии невеста во время свадьбы

обязана была стоять в углу с опущенной головой. Отсюда, появилось выражение *чындзы лæуд кæнын* ‘стоять как невеста’. Через два дня после свадьбы *хыз* снимали. Церемония эта – *хызисæн* проходила в торжественной обстановке. Собирались близкие родственники, готовили угощение, и в ходе приема снимали покрывало – *хызисæг*. Такого почетного права удостаивался *хæрæфырт* ‘племянник’, который у осетин пользовался особыми привилегиями. С момента снятия покрывала с лица, невестка становилась членом семьи. Будучи младшей (*кæстæр чындз, ног чындз* ‘младшая невестка’) она всецело подчинялась *æфсин* ‘хозяйке’ и активно включалась в хозяйственную жизнь дома. Первое и самое главное правило, которое должна была соблюдать невестка, это обычай молчания в присутствии старших (*уайсадын* ‘молчание’). Более прочным положение молодой невестки (*ног чындз*) становилось с рождением сына. В этом случае она на втором-третьем году переходила на положение *хистæр чындз* ‘старшей невестки’. Но если рождались только девочки, то она оставалась на положении *ног чындз* до 10 лет со дня свадьбы [Пчелина 1932, 158]. Поэтому самое лучшее, что мог пожелать любой осетин девушке при выходе замуж, это: *фараст лæппу æмæ цу цъæх чызг* ‘девять мальчиков и одну синеглазую девочку’.

Рождение сына встречалось большой радостью. В честь этого устраивали *куывд – лæппуы куывд* ‘пир в честь новорожденного мальчика’. С этим счастливым событием связано возникновение распространенного в осетинском языке сложного слова: *хæрзæггурæггаг* ‘подарок за хорошее сообщение’. Великий осетинский поэт Коста (К. Хетагуров) предполагал, что данный композит состоит из трех компонентов *хорз* ‘хороший’, *лæг* ‘мужчина, мальчик’, *гуыраггаг* < глагола *гуырын* ‘рождать, рождаться’ с суффиксом *-æггаг-*, т. е. ‘за рождение хорошего мальчика, человека’. Обычно счастливого отца извещали словами *дæ хæрзæггурæггаг мæн*. Разумеется, отец не оставлял без внимания того, кто принес ему радостную весть, и делал ему непременно дорогой подарок. С течением времени лексическое значение *хæрзæггурæггаг* меняется, и в современном осетинском языке это слово обозначает любую радостную весть.

Термины, отражающие отношение невестки к членам семьи супруга

Как термин родства *хицау*⁹ в современном осетинском языке означает ‘свекр’, т. е. ‘отец мужа’. Можно предположить, что первоначально слово *хицау* выражало только свое прямое значение «хозяин». *Хицау* подобно *хицон* восходит к *хай-дуа*. Производное на *-ау* (из **ava-*) в слове *хицау* должно обозначать «хозяин» (в смысле «владелец») [Бенвенист 1965, 133]. С установлением патриархата роль

⁹ Означает: ‘хозяин, начальник’.

старшего мужчины в семье усиливается, свекр получает всю полноту власти в семье. И хотя при решении какого-либо важного вопроса он советуется с остальными членами семьи, все же последнее слово принадлежит ему. Его положение дает ему непререкаемый авторитет, и ему беспрекословно подчиняются. Именно семантическая основа «хозяин», а не *отец мужа*, заложена в слове *хицау*. В дальнейшем это слово обретает и другое значение. *Хицау* как термин родства употребляется только с притяжательными местоимениями краткой формы *нæ*, *мæ* и т. д. Выражение *мæ хицау*, как форма единственного числа, стало возможным только при такой семье, когда в ней было не больше одной-двух невесток.

Хистæр ‘старший’. Это термин с притяжательным местоимением *нæ* ‘наш’ означает «старший деверь». Субстантивированное прилагательное *хистæр*, помимо указанного значения, обозначает и понятие «начальник». Сочетание *нæ хистæр* ‘наш старший’ связано с прямым значением – старший из братьев мужа, в котором на первое место выступает значение «хозяин». *Нæ хистæр* – определение старшего почитаемого лица. Вообще старшинство в осетинской семье имело, и сейчас имеет решающее значение. Почти все дела решались по принципу *куыд хистæрæй* ‘по старшинству’, считалось предосудительным вступать в пререкания со старшим по возрасту. Широко известно изречение: *хистæрæн барын хъæуы* ‘старшему не следует возражать’. Таким почетом пользуется и старший деверь, в присутствии которого младшие невестки имели право говорить только шепотом.

Младший из братьев мужа по отношению к невестке называется *лæппу* ‘мальчик’, и употребляется также с притяжательным местоимением – *нæ лæппу* ‘наш мальчик’. Обращение к нему со стороны невесток было более свободным. *Лæппу* обычное обращение старших к младшим по возрасту. Родители, особенно отец, не называли своих детей по имени. Это считалось нарушением этикета. Поэтому старики называли своего сына *лæппу*, даже если тот и сам был уже в преклонном возрасте и имел взрослых детей. Это вторая семантическая сторона слова *лæппу*, которая имеет оттенок младшего по возрасту, но не подразумевает малолетство или молодость, что характерно для первого значения *лæппу*.

Все родные братья, двоюродные братья и даже однофамильцы мужа по отношению к невестке носят общее название *тиу* ‘деверь’, мн. ч. *тиутæ* ‘девери’. Термин *тиу* – восстанавливается и в виде *daiwer*, ср. курд. *ti-*, русск. «деверь», др.-инд. *dever* ‘брат мужа’ и пр. [Абаев 1979, 297]. *Тиу* в осетинском в отличие от других языков имеет более широкое значение. Если русское «деверь» и адыгское *пшикъу* подразумевает только братьев мужа, то осетинское *тиу*, как уже отмечалось, распространяется почти на всех однофамильцев мужа.

Файнуст (*fajnūst*) ‘ятровь, жена деверя’ (так называются жены братьев по отношению друг к другу). Слово состоит из двух компонентов *fai* + *nostæ* из

**pati-snauša-* [Абаев 1958, 417]. В иронском диалекте *nust* отдельно в значении «невестка» не сохранилось (см. *чындз*). Но дигорское *ностæ* бытует до сих пор. Слово *ностæ*, кроме индоевропейских языков широко распространено в некоторых кавказских языках: адыг. *нысэ* ‘невестка’ [Кумахова 1972, 181], инг. *нус* ‘невестка, сноха’, груз. *nus*, мегр. *posa, nusa* ‘невестка’, чан. *nusa, nisa* ‘невестка, сноха’ [Джавахадзе 1968, 234].

В осетино-русском словаре, изданном СОНИИ, слово *файнуст* переводится как ‘невестка’ [Осетино-русский словарь 1962, 319]. При этом В. Миллер переводит его как «свояченица» [Миллер 1934, 1337]. Однако ни «свояченица», ни «невестка» не выражают сути значения осетинского *файнуст*. Свояченица – это сестра жены, которая в осетинском не имеет специального названия и передается описательно – *усы хо*. Невестки же принадлежат к одной семье, одной фамилии, и по отношению друг к другу находятся в иных родственных отношениях, которые и выражаются композитом *файнустытæ* ‘жены братьев’. Аналогичная семантическая параллель встречается в адыгских языках: *нысэ* ‘невестка’ [Кумахова 1972, 18].

Положение невесток в семье было неодинаково. *Хистæр файнуст* в хозяйстве часто заменяла *æфсин*. Тогда она называлась *фæс æфсин* ‘заместительница хозяйки’. *Кæстæр чындз, ног чындз* ‘младшая невестка’ же полностью была подчинена старшей женщине в семье – *æфсин*.

Социокультурный термин *æфсин* представляет большой интерес в плане этнолингвистики. Слово это иранского происхождения, но довольно широко представлено и в некоторых среднеазиатских языках со значением «правитель» и является заимствованием из скифского (массагетского), в котором оно служило первоначально наименованием массагетских правительниц [Абаев 1958, 110].

Несмотря на то, что в заимствованных языках термин *æфсин* стал применяться и к правителям мужчинам, его семантическое содержание не изменилось, и оно выражает понятие «хозяин». В современном осетинском языке термин *æфсин* относится исключительно к женщине, но можно предположить, у предков осетин – алан он мог применяться и к мужчине. Об этом свидетельствует (сохранившееся в языке изречение: *æз искæй фæллоуæн мæхи куыд æфсин кæнон* ‘как я могу считать себя хозяином чужого имущества’ выражение, которое одинаково могут произносить как мужчины, так и женщины.

В патриархальной семье роль *æфсин* была огромна. Она распоряжалась хозяйством, припасами, угощением. Отсюда и причина появления известной поговорки: *хæдзары нæлгоймаг уазæг у* ‘мужчина в доме гость’.

В осетинском языке зафиксировано несколько значений слова *æфсин*:

1. Хозяйка, т. е. распорядительница припасами, *хорз æфсин цы нæ хæринаг авæрдзæн лæггæн йæ разы!* ‘хорошая хозяйка каких только кушаний не поставит

перед человеком!'. Очевидно также, что *æфсин* как почтительное выражение, становится эквивалентом другого осетинского термина *æхсин*, обозначающего благородную особу. В ряде случаев они воспринимаются как синонимы, например: *æхсийнæ-æфсинæ* Сатана 'госпожа-хозяйка Шатана' (СОПам. 11, 45).

В осетинском языке известно значительное число поговорок, в которых термин *æфсин* выступает только в значении хозяйки: *уазæг æфсинмæ кæсы букв* 'гость на хозяйку смотрит'; *гæды æфсины куырмæ бæлы* 'кошка о слепоте хозяйки мечтает'; *æфсины армæй сой тæдзы* 'с рук хозяйки жир течет' и др. Во всех приведенных поговорках особо подчеркивается роль и значение хозяйки в осетинской семье, которая является хранительницей домашнего очага.

2. Жена, супруга – *нæ фынæй кодта Таймуразы зæронд æфсин дæр* 'не спала и старая жена Таймураза' (Арсен, Сæумæрайсом). В данном случае синонимами *æфсин* являются: *ус, бинойнаг* (иногда мн. *бионтæ*), *æмкъай* и *кæрдзынгæнæг*.

3. Свекровь – *Æфсин йæ чындзы нæ бауарзта æмæ-уу ын фыдкыустытæ кæнын кодта* 'свекровь невзлюбила невестку свою и заставляла ее исполнять самую тяжелую работу' (ИАА, Цхинвал, 1962, 73). Последнее значение более конкретно обозначает «мать мужа». Этнографические данные свидетельствуют о том, что значение *мать мужа* слово *æфсин* стало приобретать значительно позже, уже в период укрепления и расширения в жизни осетин института малой семьи.

Большая семья характеризовалась многочисленностью ее членов. Во главе ее стоял старейший по возрасту. Им мог быть отец, дед, прадед, а после их смерти их старший брат. Хозяйка дома (*æфсин*) могла и не быть матерью хозяина дома, тем более, что очень часто функции *æфсин* переходили к жене старшего брата. Таким образом, еще недавно слово *æфсин* как отдельная словарная единица, точно не передавало лично-родственных отношений между невесткой и свекровью. Членами *большой семьи* могли быть и двоюродные и даже троюродные братья. Родственные отношения в *большой семье* могли и не характеризоваться по прямой линии. В таком случае термином *æфсин* для невестки могла обозначаться бабушка или ятровь.

Малая семья вносит некоторые изменения в структуру семейных отношений осетин. Здесь мы уже видим иную, более ясную картину: родители и их дети. Тут четко вырисовывается родственная связь между невесткой и свекровью. В малой семье *æфсин* обычно – мать мужа. Постепенно этот термин, когда-то обозначавший только два понятия «руководитель» и «хозяйка», приобретает новое значение «мать мужа», выражая родственную связь между невесткой и свекровью. Таким образом, этот термин прошел ряд ступеней развития, наполняясь каждый раз новым содержанием. В современном осетинском языке слово *æфсин* в указанном значении превратилось в термин, характеризующий отношения между невесткой и свекровью с чисто родственных позиций: *æфсин* означает 'мать мужа'. В грузинском языке свекровь носит название *dedamtili*,

mat(a)mamtili – свекр. Хотя элемент *-mtili* этимологически не поддается объяснению [Климов 1964, 72], первые компоненты приведенных слов мать и отец свидетельствуют о том, что образование этих названий у грузин шло иным путем, нежели осетинское *æфсин*¹⁰. Аналогичную с осетинским *æфсин* картину мы видим в адыгских языках, где распорядительница домашнего хозяйства называется *slquas* ‘госпожа, владыка’. От этого слова образовано *th+quas* ‘наша свекровь’ [Меретуков 1970, 222], которое аналогично осетинскому *æфсин* и в современных адыгских языках обозначает «мать мужа». Оба эти термина: осетинское *æфсин* и адыгское *quase* в своем значении «мать мужа» имеют сходное развитие и относятся к одной семантической группе слов.

Термин *æфсин* получил распространение в некоторых языках соседних с осетинами народов. На почве заимствований данный термин менялся не только фонетически, но и семантически. Так, в хевсурском диалекте грузинского языка встречается собственное мужское имя *Апшина*. К осетинскому примыкает и балкарское *ap/всен* ‘золовка’. Хевсурское имя лишней раз свидетельствует о том, что осетинское *æфсин* могло в прошлом относиться также и к мужчине [Абаев 1958, 111].

К терминам, отражающим взаимоотношения невестки и членов семьи мужа, относятся также: *цæгат* ‘дом родителей для замужней женщины’, *хургом* ‘дом мужа для замужней’. В основе термина *цæгат* лежит понятие «тыла, тыльной стороны»; отсюда дом родителей является для замужней женщины «тылом». Ср. тюрк. *arka taraf* ‘тыльная сторона’, откуда тот или другой народ полагает себя вышедшим [Абаев 1958, 296]. В современном осетинском языке значение *цæгат* расширилось, и оно стало означать не только ‘дом родителей’, но и всех родственников и однофамильцев. Близкую семантическую параллель осетинскому *цæгат* мы находим в грузинском *samsoblo* ‘родина’, которое означает также ‘дом родителей для замужней женщины’ [Ментешавили 1943, 41].

Дом мужа для жены носит название *хургом* ‘солнечная сторона’: *хургом сылгоймагæн йæ мойы хæдзар хуыдтой ...* ‘хургом называли дом мужа для женщины’ (Æмбалты. Нарты Созырыхъо ус куыд æрхаста). Данная лексема образована от *хур* ‘солнце’ и *ком* ‘ущелье, сторона’. Озвончение глухого согласного к в осетинском вполне закономерно, ср. *фæнд* – *дывæнд*, *хъæугом* – *хъæу* и *ком* и т. д. В разговорной речи слово *хургом* почти не встречается. Во всяком случае, в осетинском языке не встречаются такие выражения, как *йæ хургоммæ ацыдис* ‘ушла в дом мужа’ или *йæ хургомæй æрбацыд* ‘пришла из дома мужа’, тогда как выражения *йæ цæгатмæ ацыдис* ‘ушла в свой родительский дом’, *йæ цæгатæй æрбацыд* ‘пришла из родительского дома’, употребляются повсеместно.

¹⁰ В грузинском языке хозяйка называется *diasaxlisi*, т.е. словом, абсолютно ничего общего не имеющим с *dedamtili*.

Термины, отражающие отношения супругов

Для обозначения «жены» в осетинском языке имеется несколько названий: *ус*, *бинойнаг*, *бинонтæ*, *æмкъай*, *æфсин*, *сылыстæг*. Термин *ус* в осетинском языке употребляется в двух значениях:

1. Женщина – *Таймураз усы дзыназынмæ сдзурын ницы сарæхст* ‘Таймураз на стон и плач женщины ничего сказать не смог’ (Коцойты Ар. Уацмыстæ, 1, 60);

2. Жена – *Созырыхъойæн йæ ус сывæрджынæй баззади* ‘у Созырыко жена осталась беременной’ (Хуссар Ирыстоны фольклор).

По данным Андроникашвили осетинское *ус* восходит к др.-инд. *josti* [1965, 110]. Из осетинского оно распространилось и в некоторые кавказские языки, см., например, груз. *uso* в значении ‘почтенная женщина среди простолюдинок’ [Толковый словарь грузинского языка 1960, 1608]. Профессор М. К. Андроникашвили допускает связь между осетинским *ус* и грузинским *asuli*, мегр. *osuri* [Андроникашвили 1965, 110]. Ср. также инг. *уст*, чечен. *сту* ‘жена’, вейнах. *уст да* ‘тесть’, *уст-нана* ‘теща’ и т.п. [Абаев 1959, 10].

В осетинском языке от термина *ус* образованы – *усаг* ‘невеста’, *усгур* ‘жених’, *ус хæссын* ‘жениться’, *усджын* ‘женатый’ (букв. ‘имеющий жену’), *усбирæгъ* ‘злая, свирепая женщина’ (букв. «женщина – волк»).

К. Д. Кулов в своей книге «Матриархат в Осетии» пишет: «Отдельно термина для обозначения жены у осетин нет» [Кулов 1935]. Однако это не совсем верно, ибо осетинское слово *бинойнаг* совершенно однозначно означает ‘жена’: *Тамара паддзах уыди Бурсамдзелийæн йæ бинойнаг* ‘царица Тамара была супругой Бурсамдзели’ (ЮОПам. 111, 135).

В зависимости от того, к какому социальному классу принадлежала женщина, различались обозначения: *уæздан ус* ‘благородная жена’ и *кусæг ус* ‘работница’ (букв. ‘рабочая жена’). Для благородных жен есть и другое обозначение – *цытджын ус* ‘почетная жена’. Словосочетания *кусæг ус* приводит Дж. Шанаев [Шанаев 1870, 4], сегодня оно редко встречается в речи, обычно его заменяют термином *номылус* ‘именная жена’ или ‘жена по имени’. Правда, тот же Дж. Шанаев проводит грань между *номылус* и *кусæг ус*; однако фольклорные данные свидетельствуют о том, что указанные термины характеризовали одно и тоже бесправное лицо. *Кусæг ус* – описательный термин, определяющий место такой женщины в семье, *номылус* же является композитом, дословный перевод которого ничего не говорит о правовом положении женщины и без историко-этнографического истолкования композита, нельзя понять положение *номылус* в семье. Любопытно, что дети от *номылус*, как в иронском, так и в дигорском диалекте называются особыми терминами, тогда как для обозначения детей от почетной жены, осетинский язык специальными терминами не располагает. Термин, обозначающий детей жены-*номылус* в иронском диалекте представляет собой композит – *кæвдæсард*, состоя-

щий из *кæвдæс* ‘ясли’ (для скота) и *ард* ‘рожденный’, т.е. ‘рожденный в яслях’. Действительно, жилищем такой женщины служил хлев, где она и рожала детей. В некоторых местностях Осетии (Кобан, Даргафс) *кæвдæсард* носит и другое, еще более унижительное название *хъуымаг*, *хъуымайаг*/*хъумайаг*. Впрочем, для обозначения детей бесправной жены пользуются и кабардинским термином *тумæ*.

Для обозначения жены употребляются также термины: *æфсин* ‘хозяйка’, *кæрдзынгæнæг* – букв. ‘пекущая хлеб’, *сылыстæг мæ сылыстæг* ‘моя жена’, *къай* – *къайаг* ‘пара, чета’.

В прошлом считалось неудобным называть жену по имени прилюдно, поэтому супруг в разговоре с другими людьми, жену называл иносказательно: *ме* ‘*ркæнæггаг* – букв. ‘та которую я привел’, *уæртæ хæдзары чи ис, уый* ‘та, которая находится дома’, *уыцы ус* ‘та женщина’, *мæ уды хай* букв. ‘часть моего сердца’, *мæ адæм* букв. ‘мой народ’, например: *ногусджын-цу 1-3 азы бæрц хæдзармæ йæ иры хайы, йæ сылы цурмæ нæ бацыдаид* ‘новобрачный в первые три года в присутствии членов семьи не мог подойти к своей супруге’ (Фидиуаег, 1966, №4, 70); *Садуллæ йæ уды хай хохы сæр дæр фæдæрдзæн* ‘Садулла с женой и на вершине горы сможет прожить’ (Секъа, Садул- лæ æмæ Манидзæ); *Мæ адæм Беккузарон йæ цæгатæй æрхаста... нозт æмæ цыхтытæ* ‘моя (жена) супруга Беккузарон из родительского дома принесла араку и сыр’ (Фидиуаег, 1966, №4, 74).

Ус в осетинском языке в сочетании с некоторыми терминами обозначает понятия с развитой семантикой: *уæззау ус* ‘беременная женщина (букв. ‘тяжелая женщина’), *æвгъæддон ус* ‘роженица (букв. ‘родящая женщина’), *фыдсыл ус* ‘злая женщина’, *æнæзæнæг ус* ‘бездетная женщина’. Положение бездетной женщины было очень тяжелым, она не имела в семье никаких прав, ее в любой момент мог бросить муж.

Причиной развода могли быть и другие обстоятельства. Институт развода отражается в таких лексемах: *ахицæн сты* ‘разошлись’, *йæ усы ауагъта* ‘отпустил свою жену’, *уагъд ус* ‘отпущенная женщина’. Были и случаи, когда жена сама бросала мужа. Такая ситуация обозначается словосочетанием *хи байсын* ‘отнять себя’. Развод со стороны жены был необычным явлением в Осетии, женщина, твердо решившая развестись с мужем, встречала упорное сопротивление, как со стороны своих родных, так и со стороны родных мужа. Именно это упорство с обеих сторон отражается в составном глаголе: *йæхи байста*, букв. ‘отняла, отвоевала себя’.

По смерти мужа женщина становилась *идæдз ус* ‘вдовой’. Слово *идæдз* индоевропейского происхождения. Исходной для осетинского послужила форма с суффиксом *-ti*, *vidavā-ti, с последующим развитием: *vidavati → *widwāz* → *idæz*. По Абаеву, *идæдз* [1958, 539], в осетинском языке не имеет родовой дифференциации как русская «вдова», «вдовец» и одинаково относится как к женщине, так и к мужчине.

Южные осетины имеющие тесный контакт с грузинским населением для термина «вдова» параллельно с *идæдз* употребляют слова *куыриуи*, *займе*, а также

груз. *kwriwi*. Любопытно, что это слово встречается не только в живой речи, но зафиксировано и в устном народном творчестве осетин: *Уыцы хъæуы (лæг) цу куыриуи усмæ бацыд* ‘в том селе (мужчина) зашел к одной вдове’ (ИАА, С., 1960, 11, 264).

При патриархально-родовом строе вдова могла выйти замуж за деверя, так называемый «левират» (от лат. *levir* – ‘деверь’, ‘брат мужа’). В Осетии подобный брак не одобрялся обществом и не получил широкого распространения, поэтому не имеет своего специального названия и передается описательно *йе фсымæры усы ракуырда* ‘женился на супруге своего брата’. За вдову тоже давали калым, но в значительно меньшем размере, этот калым называли *хæрæгыстæггаг*.

Мой/мойнæ ‘муж’ восходит к др.-инд. *manu* – ‘человек, мужчина’ [Абаев 1965, 42]. В современном осетинском языке *мой* имеет одно значение ‘муж’. Второе значение «мужчина» вытеснено в осетинском языке словом *лæг*, заимствованным из кавказских языков в значении «муж». Ср. чеч. *лай*, инг. *лай* ‘раб’, авар. *lag* ‘раб’, абаз. *lad* ‘раб, холоп’ [Абаев 1959, 95]. Лексема *мой* в значении «супруг, муж» оказалась более устойчивой. Как исконно осетинское слово, оно сохранило все семантические оттенки своего основного значения и служит словообразовательным элементом многих композитов и устойчивых словосочетаний: *мидæгмой* ‘примак’ (букв. ‘внутренний муж’), *мойгонд* ‘замужем’, *моймæ цæуын* ‘выходить замуж’, *моймæдзыд* ‘замужняя’, *мой кæнын* ‘выходить замуж’, *амой кæнын* ‘выйти замуж’, *мой-мойгæнгæ цæуын* ‘часто выходить замуж, менять мужей’. Ни в одном из приведенных выше композитов и словосочетаний нельзя заменить осетинское слово *мой* лексемой *лæг*, хотя последняя и является носителем семантики «супруг». Правда, у осетинского писателя Беджызаты Чермена встречается выражение: *лæджы фæдыл нал ацыдис* ‘не пошла больше за мужчиной’ (но никак ‘не за мужем’) (Чермен. Мæсгуытæ дзурынц, ф. 202).

Уже давно отмечено, что во многих языках слова для понятия «человек» представляют не что иное, как племенное название, свое, или реже, чужое. Осетинское *лæг* принадлежит, по-видимому, к той же категории; в нем достаточно прозрачно выступает одна из модификаций яфетического племенного названия *asg/lesg (pa-lasg), lesg*, груз. *lek* и т.д. [Абаев 1925]. Таким образом, термин *мой* в отличие от *лæг*, связан с идеей брака и незаменим в своем основном значении. Аналогичную картину мы видим в грузинском, где для обозначения мужа существует самостоятельное слово *сас* (например, в мегрельском и чанском), ср. также сван. *cas* ‘муж’ [Климов 1964, 106].

Как словообразовательный элемент, слово *мой* всегда является первым компонентом и, за исключением глагола *моймæ цæуын*, употребляется в именительном падеже. Из приведенных композитов и словосочетаний особый интерес представляют *мой кæнын* и *моймæ цæуын*, имеющие в современном осетинском языке одно значение ‘выходить замуж’. Однако, нам кажется, что словосочетание

мой кæнын является более ранним образованием и относится к эпохе матриархата, когда был сильно развит матриликальный брак, форма брачного поселения, при котором муж переходил на жительство в родовую общину жены. При таком браке словосочетание *моймæ цæуын* не имело бы смысла, поскольку невестка никуда не уходила, а оставалась жить с мужем в своем роду. Несомненно, выражение *моймæ цæуын* образовалось позднее, под влиянием утвердившегося к тому времени словосочетания *чынды цæуын* 'выходить замуж', которое следовало понимать в прямом смысле, а именно действительный уход из своего рода, из своего дома, в дом мужа, в чужую семью. Тем самым *мой кæнын* означает 'вступить в брак, обрести мужа' без указания на уход невесты из отцовского дома.

В осетинском языке термин *мой* обычно заменяется описательным термином *сæрыхицау* 'супруг', который выражает главенствующее положение мужа, мужчины в семье. Можно предположить, что данный композит возник в период патриархата, когда мужчина становится хозяином и главой семейного очага (образован от *сæр* 'голова' и *хицау* 'хозяин', т.е. «хозяин головы»). Слово *мой* представляется нам табуированным, так считается неприличным говорить *мæ мой* «мой муж». Обращаться к мужу по имени также считалось предосудительным.

Кроме того, в осетинском языке существует известное количество прозвищ, которые жены давали своим мужьям: *кæбор* перен. 'крупный, крепкий', *кæуырма* 'глухой', *хъусой* (от *хъус* 'ухо'), *хосдзау* 'косарь', *куыройдшу* 'мельник', *фæныкгуыз* 'бездельник' (букв. 'копающийся в золе').

Заключение

Итак, в статье проведен анализ осетинской терминологии обозначения членов семьи, старших и младших, главы семьи и его супруги, в условиях господства патриархально-родовых отношений. Также дан широкий фон отношений в семье с рассмотрением взаимоотношений по родству, свойству и отчасти искусственному родству. Терминология в основном приводится по материалам осетинского (иронского и дигорского) языка Северной и Южной Осетий, а также соседних языков Кавказа в том числе грузинского языка. Установлены исконные и заимствованные термины, применяемые в данной тематической группе.

Выявлена и описана для осетинского языка терминология, связанная с:

- историческими формами брака (старшая жена – неполноправная жена, потомки от таких браков), терминологией, отображающей отношения по свойству (хозяин, хозяйка, муж, жена, свекровь, невестка, ятровь, зять), и искусственному родству;
- проведением особых предсвадебных обрядов, таких как знакомство родственников со стороны жениха и невесты, обычаи сговора и сватовства,

договор о составе калыма, а также со спецификой роли старшего и младшего *дружек* жениха в досвадебных ритуалах;

- проведением особых свадебных обрядов с участием старшего (обведение невесты вокруг очага) и младшего *дружек* жениха (доставка свадебных припасов для людей и животных); выявлена историческая составляющая терминов, дан обзор географии их распространения;
- отношениями внутри семьи между невесткой и ее новой семьей, с обозначением родного дома невестки, ее родины, и дома мужа для молодой жены, периодом «молчания» невестки, с разводом по инициативе мужа или жены;

В статье также приведены устойчивые словосочетания, связанные с историческими формами заключения брака и ведения хозяйства (главенствующая роль хозяйки как центра дома, роль супругов в семье); раскрывается смысл табуированной лексики, эвфемизмов, особенностей обращения супругов друг к другу, а также прозвищ мужа.

Литература

- Абаев В. И. Некоторые осетино-яфетические параллели // Яфетический сборник. Вып. II. Т. 3. М.–Л., 1925.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка (ИЭСОЯ). Т. I. М.–Л., 1958; т. II – Л., 1973; т. III – Л., 1979.
- Абаев В. И. Осетино-вейнахские лексические параллели // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка, литературы. Т. II. 1959.
- Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, ГРВЛ, 1965.
- Андроникашвили М. К. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1965.
- Бенвенист Э. Т. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
- Ванеев З. Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955.
- Гамкрелидзе М. В., Иванов В. В. Индоевропейцы и индоевропейские языки. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Джавахадзе Н. В. Термины родства у горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968.
- Климов Г. К. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Кулов К. Д. Матриархат в Осетии // ИСОНИИ, т. VIII. Орджоникидзе, 1935.
- Кумахова З. Ю. Развитие адыгских литературных языков. М., 1972.
- Магомедов А. К. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
- Меретуков А. М. Семейная община у адыгов. Ученые записки. Т. 11. Майкоп, 1970.
- Миллер В. Ф. Осетино-русско-немецкий словарь Т. I. Л., 1927; Т. III. Л., 1934.

Народы Кавказа. М., 1962. Т. 2.

Осетино-русский словарь. Орджоникидзе: СОНИИ, 1962.

Пчелина Е. О гостеприимстве в Осетии // Советская этнография. 1932, №5.

Старчевский А. В. Кавказский толмач. СПб., 1891.

Тедеева О. Г. Об этимологии осетинских слов. Актуальные проблемы вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. Тбилиси, 1970.

Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин СССК. Вып. 4. Тифлис, 1870.

Энгельс Ф. Происхождения семьи, частной собственности и государства. Т. 21. М, 1961.

Æмбалты Т. «МД». 1972, №11. (на осет. языке).

Ментешашвили С. Б. Словарь кизикского диалекта. Тбилиси, 1943. (на груз. языке)

Толковый словарь грузинского языка. Т. 4. Тбилиси, 1960. С. 1608. (на груз. языке)

References

Abaev V. I. Nekotorye osetino-yafeticheskie paralleli // Yafeticheskiy sbornik (Some Ossetian-Japhetic Parallels // Japhetic Collection). II. Vol.3. M.-L., 1925. (In Russ.)

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka (Historical and etymological dictionary of the Ossetian language). Vol. I – Moscow-Leningrad, 1958; Vol. II – Leningrad, 1973; Vol. III – Leningrad, 1979. (In Ossetian/Russ.)

Abaev V. I. Osetino-veynakhskie leksicheskie paralleli // Izvestiya Checheno-Ingushskogo NII istorii, yazyka, literatury (Ossetian-Veinakh lexical parallels // Proceedings of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language, Literature). Vol. II. 1959. (In Russ.)

Abaev V. I. Skifo-evropeyskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada (Scytho-European isoglosses. At the junction of East and West). Moscow: Nauka, GRVL, 1965. (In Russ.)

Andronikashvili M. K. Ocherki po irano-gruzinskim yazykovym vzaimootnosheniyam (Essays on Iranian-Georgian language relations). Tbilisi, 1965. (In Russ.)

Æmbalty T. «МД». 1972, №11. (in Ossetian)

Benvenist E. T. Ocherki po osetinskomu yazyku (Essays on the Ossetian language). Moscow, 1965. (In Russ.)

Dzhavakhadze N. V. Terminy rodstva u gornyx ingushey // Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik (Kinship terms among the mountain Ingush // Caucasian ethnographic collection). Tbilisi, 1968. (In Russ.)

Engel's F. Proiskhozhdeniye sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva (Origins of the family, private property and the state). Vol. 21. M, 1961. (In Russ.)

Gamkrelidze M. V., Ivanov V. V. Indoevropytsy i indoevropeyskie yazyki (Indo-Europeans and Indo-European languages). I-II. Tbilisi, 1984. (In Russ.)

Klimov G. K. Etimologicheskiy slovar' kartvel'skikh yazykov (Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages). Moscow, 1964. (In Russ.)

- Kulov K. D. Matriarkhat v Osetii (Matriarchy system in Ossetia) // ISONII, VIII. Orjonikidze, 1935. (In Russ.)
- Kumakhova Z. YU. Razvitie adygskich literaturnykh yazykov (Development of the Adyghe literary languages). Moscow, 1972. (In Russ.)
- Magometov A. K. Kul'tura i byt osetinskogo naroda (Culture and life of the Ossetian people). Ordzhonikidze, 1968. (In Russ.)
- Menteshashvili S. B. Slovar' kizikskogo dialekta (Dictionary of the Cyzik dialect). Tbilisi, 1943. (In Georgian).
- Meretukov A. M. Semeynaya obshchina u adygov // Uchenye zapiski (Family community among the Circassians. Scientific notes). 11. Maykop, 1970. (In Russ.)
- Miller V. F. Osetino-russko-nemetskiy slovar' (Ossetian-Russian-German Dictionary). Vol. I. L., 1927; Vol. III. L., 1934. (In Ossetian/Russ.)
- Narody Kavkaza (Peoples of the Caucasus). Moscow, 1962. Vol. 2. (In Russ.)
- Osetino-russkiy slovar' (Ossetian-Russian dictionary). Ordzhonikidze: SONII, 1962. (In Ossetian/Russ.)
- Pchelina E. O gostepriimstve v Osetii // Sovetskaya etnografiya (About hospitality in Ossetia // Soviet ethnography). 1932, №5. (In Russ.)
- Shanaev Dzh. Svad'ba u severnykh osetin SSSK (Wedding of the North Ossetians of the SSSK). 4. Tiflis, 1970. (In Russ.)
- Starchevsky A. V. Kavkazskiy tolmach (Caucasian interpreter). SPb., 1891. (In Russ.)
- Tedeeva O. G. Ob etimologii osetinskiykh slov. Aktual'nye problemy voprosy iranistiki i sravnitel'nogo indoevropeyskogo yazykoznaniya (On the etymology of Ossetian words. Actual problems questions of Iranian studies and comparative Indo-European linguistics). Tbilisi, 1970. (In Russ.)
- Tolkovyy slovar' gruzinskogo yazyka (Explanatory dictionary of the Georgian language). Vol. 4. Tbilisi, 1960. (In Georgian)
- Vaneev Z. N. Iz istorii rodovogo byta v Yugo-Osetii (From the history of tribal life in South Ossetia). Tbilisi, 1955. (In Russ.)

Битарти Зоя Александровна

Юго-Осетинский НИИ им. З. Н. Ванеева, Цхинвал, Республика Южная Осетия

Bitarty Zoya Alexandrovna

Vaneev Z.N. South Ossetian Research Institute, Tskhinvali, Republic of South Ossetia